

Глава 27

Дверь во двор с треском распахнулась от удара ногой. Несколько досок, из которых она была сколочена, не выдержали и жалобно заскрипели.

Ши Пулю вздрогнула от испуга. Не успела она выйти посмотреть, как муж остановил её.

Е Чжэнкунь с напряжённым лицом сказал:

— Я посмотрю.

Ли Сынян и Е Кайлян как раз отчитывали сына, твёрдо решив выбить из него, куда делись деньги. Услышав грохот, они вышли из главной комнаты и увидели, как во двор ввалились больше десяти здоровенных мужиков с грубыми лицами.

— В-вы кто такие?! — не успела договорить Ли Сынян, как один из громил направился прямо к ним.

Она вскрикнула. Е Чжэнкунь бросился защищать мать, но увидел, как здоровяк схватил пытавшегося спрятаться Е Чжэнсуна и, словно цыплёнка, вытащил его на середину двора.

— Ах ты, паршивец, бегать удумал. Думал, если в деревню спрячешься, я, Юй Лаосань, тебя не найду, раз ты должен деньги моему хозяину?! — Здоровяк с перекошенным лицом схватил Е Чжэнсуна и хлопнул его по щеке.

— Смилуйтесь, добрый человек, смилуйтесь! — Ли Сынян и Е Кайлян, увидев нож у плеча Е Чжэнсуна, побледнели от ужаса.

Е Чжэнкунь заслонил собой мать и выглянувшего во двор Доумяо.

— Папа... кто они?

— Да, кто вы такие? Вломились в чужой дом, я на вас в управу жалобу подам! — набравшись смелости, крикнула Ли Сынян.

Юй Лаосань усмехнулся.

— Жалобу? Да нам и в управе будет что сказать.

Он достал из-за пазухи бумагу, встряхнул её и поднёс к их лицам.

— Видите? Чёрным по белому написано! Он, Е Чжэнсун из деревни Сялинь, двадцать первого числа десятого месяца двадцать пятого года правления Диншэн занял в игорном доме «Юньюй» пятьдесят лянов серебра со сроком возврата в один месяц. И вот его собственноручная подпись, видите?

— Игорный дом!

— Ты... ты ещё и в игорный дом влез! — Е Кайлян, вне себя от ярости, бросился на Е Чжэнсуна и принялся пинать его ногами так, что тот едва устоял на ногах.

Юй Лаосань с усмешкой остановил его.

— Наш хозяин человек добрый, дал отсрочку на полмесяца. Сегодня уже третье число двенадцатого месяца, пора бы и долг вернуть.

Семья Е не могла поверить своим ушам.

Ли Сынян, опомнившись, набросилась на Е Чжэнсуна с кулаками и бранью.

— Ах ты, паршивец! Ах ты, бессовестный! Как в нашей семье Е мог родиться такой урод!

Юй Лаосань покачал головой. Такое они видели не раз.

Он, не моргнув и глазом, обратился к Е Кайляну, который, казалось, был здесь главным:

— Старик, мы тоже люди подневольные. Не будем друг другу мешать. Заплатишь за него пятьдесят лянов, и дело с концом. А не заплатишь... по нашим правилам...

Он поднёс нож к руке Е Чжэнсуна и злорадно усмехнулся.

— С этой рукой... придётся попрощаться.

Е Чжэнсун затрясся от страха. Его лицо дёргалось, он пытался увернуться от ножа.

С надеждой он посмотрел на своих родителей, которые всегда его баловали.

— Папа, папа! Помоги мне, я не хочу, чтобы мне отрубили руку, не хочу!

Ли Сынян почувствовала, как рушится мир. Она рухнула на землю, заломив руки, и запричитала:

— За что мне такое наказание! Господи, что за чудовище я родила!

Юй Лаосань поковырял в ухе.

— Хватит!

Старуха вздрогнула и, прикрыв лицо руками, беззвучно заплакала.

— Пятьдесят лянов. Даю вам два дня. Иначе мы обязательно отрубим вашему сыну руку. И ещё! — Юй Лаосань подцепил ножом подбородок Е Чжэнсуна, заставляя его посмотреть себе в глаза. — Если я приду и не найду его... хм, ты ведь знаешь, на что способен наш хозяин.

Сказав это, Юй Лаосань отвёл нож и полоснул Е Чжэнсуна по плечу.

Одежда разошлась, и плечо мгновенно пропиталось кровью. У Е Чжэнсуна от страха потемнело в глазах, и он обмочился!

— А-а! — вскрикнула Ли Сынян.

Как только незваные гости ушли, она бросилась к Е Чжэнсуну осматривать рану.

Е Чжэнкунь взглянул — царапина. В голове у него всё смешалось. Он нашёл свою жену, они посмотрели друг на друга, и в их глазах было лишь отчаяние и ужас.

Пятьдесят лянов...

Пропавшие деньги ещё не нашли, а теперь нужно было отдавать ещё пятьдесят лянов. Откуда их взять?!

Супруги сидели на кухне, оцепенев от горя, и не могли собраться с мыслями.

Прошло много времени, прежде чем они почувствовали запах горелого.

Ши Пулю вскрикнула и голыми руками схватила горшок с лекарством. Она обожглась, вскрикнула от боли, но Е Чжэнкунь успел перехватить горшок и поставить его на землю.

Он опустил руки жены в холодную воду.

Услышав её тихие всхлипывания, он с силой провёл рукой по лицу.

— Сначала... сначала посмотрим, как там гээр. Родители что-нибудь придумают.

«В крайнем случае, пусть этому четвёртому отрубят руку!»

Что могла сказать Ши Пулю? Она в смятении открыла дверь в комнату гээр и столкнулась с выбегавшим оттуда Доумяо.

Оба отшатнулись и рухнули на землю.

— Доумяо...

Доумяо, заливаясь слезами, закричал:

— Мама, мама... плохо! Старший брат весь горит, он... он умирает!

В голове у Ши Пулю что-то взорвалось, и всё вокруг померкло.

Её душа словно отделилась от тела, она чувствовала головокружение. Имя гээр стучало в висках. Спотыкаясь, она поднялась и вбежала в комнату.

Увидев побагровевшее лицо гээр, она почувствовала, как у неё сжимается сердце.

Дрожащей рукой она коснулась его лба. Жар был такой сильный, что она отдёрнула руку, но тут же с недоверием прикоснулась снова.

Она открыла рот:

— Муж, муж...

Сначала она не могла издать ни звука. Слезы хлынули из глаз, она с силой вытерла их, содрав сухую, потрескавшуюся кожу.

Она прикусила язык и, почувствовав боль, закричала:

— Муж, муж! Быстрее сюда, быстрее! У гээр сильный жар!

— Что делать, что делать...

Е Чжэнкунь, войдя в комнату, увидел жену, рыдающую у кровати гээр. Взглянув на сына, он

почувствовал, как у него подкашиваются ноги, и с силой ударился коленями о дверной косяк.

— Жена, лекарь... я за лекарем! — Он развернулся и бросился на улицу.

Е Ишу в тумане почувствовал, как на его лоб опустилось что-то холодное, и с удовольствием прикрыл глаза.

— Гээр, А-Шу, мама здесь... держись, держись! — Ши Пулю снова и снова протирала лицо сына смоченной в тёплой воде тканью и клала на лоб холодный компресс.

Доумяо, помогая ей менять воду, то и дело вытирал слёзы.

Ему было страшно, очень страшно...

***

В главном доме старик бил и ругал сына, затем обсудил с Цзинь Лань, чтобы тот отправился в её родительский дом занять денег.

Два дня, пятьдесят лянов!

Это было смертным приговором для них.

Но сын есть сын, тем более такой любимый. Старики, пересилив стыд, пошли по соседям, но, обойдя всю деревню, смогли собрать лишь десять лянов.

— Нет, нет... — Ли Сынян крепко сжимала мешочек с серебром, так что оно впивалось в ладонь.

Она посмотрела на стоявшего на коленях сына и, не сдержавшись, снова несколько раз ударила его.

— Чтоб ты в азартные игры играл, чтоб ты деньги крал! Разве ты не видишь, что случилось с семьёй Сун! Разве ты не видишь, как азартные игры разорили Сун Чжунхэ и разрушили его семью! — Ли Сынян так разозлилась, что у неё заболела грудь. Выругавшись, она рухнула на скамейку, потирая грудь.

— Сун Чжунхэ...

— Сун Чжунхэ!

Ли Сынян замерла. В её глазах мелькнул огонёк, и она постепенно успокоилась.

Внезапно снаружи донеслись крики. Ли Сынян открыла дверь и увидела, как из дома старшего сына носят тазы с водой.

— Что случилось?

Ши Пулю, словно увидев спасение, схватила её за одежду.

— Мама! Мама... у гээр сильный жар.

Ли Сынян вскрикнула:

— Жар!

Она переступила порог и приложила руку к лицу Е Ишу. «Плохо дело!» — подумала она.

«Как же теперь его на деньги обменять!»

— Мама, муж пошёл за лекарем. Но... но у нас нет денег, мама, ты...

— Денег? И не мечтай! — Ли Сынян прижала кошелек к себе. — Этот никчёмный товар, умрёт так умрёт! Деньги нужны, чтобы спасти руку моего сына!

Услышав это, Ши Пулю застыла в изумлении.

Она бросилась к ногам старухи и зарыдала:

— Мама, умоляю тебя, А-Шу ведь тоже твой внук! Умоляю, умоляю...

— Пошла прочь! — Ли Сынян оттолкнула её ногой.

Доумяо, разозлившись, вцепился зубами в руку старухи. Ли Сынян, вскрикнув от боли, вlepила ему пощёчину.

— Ах ты, волчонок, смеешь кусать меня! Видно, и ты жить не хочешь!

Ши Пулю бросилась защищать сына, прикрыв его своим худым телом. Она приняла на себя несколько звонких пощёчин старухи и взмолилась:

— Мама! Мама, не бей. Доумяо...

В комнате царил хаос. Е Ишу в тумане открыл глаза и увидел, как бабушка бьёт и царапает его мать.

Он хотел встать, но не мог пошевелиться.

Сознание было затуманено. Он понимал, что у него жар, и очень высокий. Даже лёжа, он чувствовал головокружение.

«Нет, я не хочу умирать. Я должен спастись».

— Мама, мама... — он звал её много раз, прежде чем Ши Пулю услышала.

Старуха, бормоча проклятия, уже вышла. Ши Пулю с растрёпанными волосами села у его кровати.

— Мама здесь, гээр, не бойся, мама здесь!

— Мама, а где папа?

— Твой отец пошёл за лекарем, скоро вернётся.

Е Ишу закрыл глаза, чувствуя, как горит горло. Сдерживая тошноту, он прошептал:

— Иди к учителю, попроси у него повозку и отвези меня к Сун Чжэньцзиню.

— ...Я спрятал деньги. На запад от нашего дома есть склон, на вершине, под самым большим деревом, которое всё обвито лианами. И ещё, я подстрелил оленя, он... он...

— Хорошо, хорошо, мама пойдёт к твоему учителю, пойдёт! Ты только жди меня.

— Доумяо, присмотри за старшим братом. Не забывай менять ему компресс, — приказав это, Ши Пулю, не оглядываясь, выбежала из дома.

Но, добежав до дома семьи Ши, она наткнулась на закрытые ворота. Оказалось, все уехали в уезд.

В отчаянии она вспомнила о спрятанных гээр деньгах и бросилась бежать в горы.

Тем временем, увидев, что супруги ушли, старики и их сын с невесткой вышли из дома.

Ли Сынян сказала:

— Четвёртый, ты со своим отцом поезжай в деревню Шанчжу. Постарайся побыстрее уладить это дело.

— Жена четвёртого, найди ему свадебный наряд.

Супруги переглянулись и молча разошлись исполнять приказания.

Цзинь Лань, недолго думая, схватила свой собственный свадебный наряд и вошла в комнату Е Ишу. «Всего лишь свадебный наряд, главное — получить деньги».

Из комнаты донеслись крики Доумяо, но их тут же заглушили.

Е Ишу видел, как вошла младшая тётушка с чем-то красным в руках. Матери не было, отец ещё не вернулся с лекарем.

Теряя сознание, Е Ишу подумал: «Возможно, на этом моя жизнь и закончится».

Ли Сынян зажала Доумяо рот и привязала его к стулу, не сводя с него свирепого взгляда.

Мальчик со слезами на глазах смотрел, как его брата одевают в красный свадебный наряд, укрывают одеялом и как невестка выносит его на спине из дома.

Он отчаянно дёргался, так что верёвки до крови врезались в запястья, но не мог освободиться.

«Брат! Старший брат, у-у-у...»

«Куда тётушка уносит брата! Папа, мама, почему вы не возвращаетесь?!»

Доумяо заперли в главной комнате. Цзинь Лань с Е Ишу на спине и Ли Сынян позади неё обошли дом сзади и направились в деревню Шанчжу.

Старик с Е Чжэнсуном выехали раньше и добрались туда первыми.

Придя, они сразу же сослались на сваху Юань. Сун Чжунхэ удивился:

— Но ведь сваха Юань сказала, что они отказались.

— Что вы, это моя невестка по незнанию так сказала! А гээр согласен, поэтому я сам пришёл.

Сун Чжунхэ чувствовал себя виноватым перед сыном и радовался, что тот согласился вернуться. Но, видя, что сыну уже двадцать два, а он всё не женится, решил, что как отец, который ничего для него не сделал, он должен хотя бы женить его.

Он обратился к лучшей свахе в городе, но ни одна из предложенных девушек ему не понравилась. Но когда тот гээр пришёл к нему в дом, он увидел, что его внешность идеально подходит его сыну.

Протрезвев, он тут же отправился к свахе.

Но, к сожалению, после долгого ожидания ему сказали, что семья гээр отказалась. И вот теперь его дед с отцом пришли сами. Такую возможность он упустить не мог.

Обе стороны, торопясь заключить сделку, быстро обо всём договорились.

Сун Чжунхэ, боясь, что сын не согласится, решил женить его тайно. Когда жена будет в доме, тот, даже если будет против, уже ничего не сможет сделать.

С другой стороны, Е Кайлян хотел поскорее получить деньги и избавиться от гээр.

Так они и сговорились. Сун Чжунхэ тут же отдал выкуп за фулана. Когда он провожал их, те уже привели «фулана».

Сун Чжунхэ посмотрел на Е Кайляна.

Тот, с натянутой улыбкой, сказал:

— Как раз кстати, гээр вчера заболел. Отведём его в комнату зятя, пусть он его и посмотрит.

Сун Чжунхэ понял, что его обманули, но выкуп уже был отдан, и «фулан» был здесь. Пришлось велеть отнести его в дом.

***

Е Ишу спал долго. Проснувшись, он почувствовал, как ноют все кости.

Внезапно он понял, что обстановка вокруг незнакомая. Глиняные стены, соломенная крыша, холодный ветер, проникающий сквозь щели в окне, заставил его сердце сжаться от тревоги.

Он в замешательстве поднял руку и увидел, что укрыт красным свадебным одеялом.

Рядом было тепло. Повернув голову, он увидел... известного на всю округу лекаря-мужчину.

«Бывает же такое счастье?»

Длинные ресницы Е Ишу дрогнули. Он с сомнением протянул руку и медленно ущипнул его за красивое лицо.

Кожа была настоящей, тёплой и упругой. Только уж слишком красной.

Е Ишу медленно отнял руку.

Он посмотрел на крышу, которая была ещё более ветхой, чем в его доме, и задумался, как он после жара оказался в другом месте.

Возможно, его привезли к доктору Суну на лечение. Но если на лечение, то почему он лежит с Сун Чжэньцзинем в одной кровати?

Е Ишу просунул руку под одеяло. На нём была лишь одна нижняя рубаша, а Сун Чжэньцзинь... был голым до пояса.

Прибавив к этому новое свадебное одеяло, он понял, что, скорее всего, семья Е его продала.

«Знали ли об этом родители?»

«Если узнают, не сойдут ли с ума?»

Е Ишу тихо вздохнул.

Он пошевелил ослабевшим телом и с трудом сел. Из дырявого окна дуло, в комнате стояли лишь стол и шкаф, отчего она казалась ещё более холодной.

У кровати валялись свадебный наряд и ватная куртка Сун Чжэньцзиня. Е Ишу без колебаний накинул на себя куртку, которая была ему велика.

Несмотря на всю эту возню, человек на кровати не шевелился.

Е Ишу нахмурился и легонько толкнул Сун Чжэньцзиня. Чёрные волосы рассыпались по подушке, брови были сдвинуты, словно его мучил кошмар, от которого он не мог проснуться.

Ничего не поделаешь, Е Ишу вышел из комнаты.

Снаружи было немногочисленно. Во дворе стояло несколько столов с остатками еды. Соломенная хижина была прибрана, украшена красными фонарями и тканями. Всё выглядело так же, как на свадьбе в его деревне.

Человек, убиравший со стола, увидел его и, подняв простое лицо, с улыбкой поздоровался:

— Фулан Чжэньцзиня проснулся.

Услышав это, Е Ишу всё понял. Семья Е действительно его продала.

«Не знаю только, кто — дед с бабкой или младший дядя, который неизвестно во что ввязался».

Губы Е Ишу изогнулись в усмешке. Услышав, как люди, уносившие столы, хвалят доктора, говоря, что «Чжэньцзиню повезло, он женился на таком красивом фулане», Е Ишу остался равнодушен. Он решил сначала поесть, а потом вернуться и разобраться.

Странно, но, кроме Сун Чжэньцзиня, он не видел в доме никого из семьи Сун.

В котле была горячая еда, судя по количеству, оставленная для них двоих. Е Ишу налил себе миску и, съев её прямо на кухне, умылся горячей водой.

Оглядев себя, он вернулся в спальню.

Открыв дверь, он встретился взглядом с Сун Чжэньцзинем, который сидел на кровати.

Е Ишу на мгновение замер, но потом как ни в чём не бывало вошёл и закрыл за собой дверь. Он прислонился к ней спиной и, нахмурившись, посмотрел на красное, как у обезьяны, лицо Сун Чжэньцзиня.

— Ты что, пил?

Сун Чжэньцзинь кивнул.

— Отец обманул.

— В чём обманул? — с любопытством спросил Е Ишу. Судя по виду Сун Чжэньцзиня, он тоже был жертвой.

Сун Чжэньцзинь отвернулся, избегая его взгляда. Его голос был холодным, как лёд.

— Отец сказал, что это его свадебный пир с тётушкой Чжоу. Он знал, что я не пью, и обманом заставил меня выпить несколько чарок.

Е Ишу, увидев его влажные глаза, неожиданно для себя спросил:

— Несколько?

Сун Чжэньцзинь, всё ещё пьяный, честно ответил:

— Две.

Голова у него всё ещё кружилась. Он опёрся на одеяло и, встряхнув головой, сказал, обращаясь к гээр:

— Твоя болезнь ещё не прошла, тебе нельзя на ветер.

Е Ишу сказал:

— Хорошо. Ты ведь понимаешь, что произошло?

— Понимаю. Я возьму на себя ответственность, — ответил Сун Чжэньцзинь.

Е Ишу покачал головой.

— Не об этом речь. Я хочу спросить, ты знаешь, что с моими родителями?

Сун Чжэньцзинь задумался. Его глаза, полуприкрытые от усталости, смотрели в пустоту.

— На пиру я видел твоего деда с бабкой и ещё двух молодых людей. Но твоих родителей не было.

Услышав это, Е Ишу помрачнел.

— Сколько денег ты отдал семье Е?

— Это отец давал, я не знаю.

Сказав это, Сун Чжэньцзинь пошатнулся. Его голос стал невнятным, и он снова в забытьи закрыл глаза.

— Я знаю только, что два дня назад тебя принесли сюда в свадебном наряде. Ты был в тяжёлом состоянии, и я лечил тебя... потом отец сказал, что нужно устроить пир, и заставил меня выпить... — при упоминании вина Сун Чжэньцзинь снова нахмурился.

Увидев, как тяжело вздымается его грудь, Е Ишу подумал, что тот вот-вот потеряет сознание.

Он легонько толкнул его. Сун Чжэньцзинь открыл глаза, и в его взгляде на мгновение промелькнула такая ненависть, какой он никогда раньше не видел. Но она тут же исчезла.

— Понятно, я сначала схожу домой, посмотрю, — сказал Е Ишу и встал.

— Подожди. — Сун Чжэньцзинь, потирая виски, тоже поднялся. — Я с тобой.

— Как хочешь.

Ватная куртка была ему велика, но от неё исходил запах лекарств, присущий Сун Чжэньцзиню. Е Ишу хотел было переодеться, но в доме доктора не нашлось одежды поменьше.

Пришлось идти так. Сун Чжэньцзинь шёл рядом.

Но, пройдя несколько шагов, он пошатнулся. Ничего не поделаешь, Е Ишу пришлось поддержать его под руку.

— Я иду домой разбираться, зачем ты идёшь со мной?

— Формально ты уже мой фулан. Судя по всему, вся деревня об этом знает. Если ты вернёшься один на следующий день после свадьбы, пойдут слухи.

— Пускай говорят.

— Людская молва страшна.

Не успели они выйти из деревни Шанчжу, как увидели три фигуры, сбегавшие с горы. Судя по тому, как они торопились, Е Ишу почувствовал, как у него задергалось веко.

— Папа, мама! Помедленнее!

— А-Шу, Шу-гээр! — через мгновение все трое были у подножия горы. Ши Пулю дрожащей рукой коснулась лица Е Ишу и, увидев, что он лишь немного бледен, но в целом бодр, разрыдалась от счастья.

— Мама... я в порядке. — Е Ишу стоял неподвижно, позволяя матери плакать у него на плече.

Е Чжэнкунь стоял позади и, хоть и молчал, но не сводил с Е Ишу глаз.

Е Ишу улыбнулся.

— Папа, я в порядке.

— Брат! У-у-у... дед с бабкой продали тебя, продали, чтобы на вырученные деньги выкупить руку младшего дяди. Они меня связали, брат, ва-а-а... — мальчик рыдал от обиды. Все эти дни, не видя Е Ишу, он боялся, что дед с бабкой продали его куда-нибудь далеко, и он больше никогда не увидит своего брата.

Сун Чжэньцзинь смотрел, как семья из четырёх человек, обнявшись, плачет, а гээр, растерявшись, утешает то одного, то другого. Он сказал:

— Давайте сначала зайдём в дом. Болезнь гээр ещё не прошла.

— Да! Пойдём, пойдём, — только сейчас семья заметила стоявшего рядом человека.

Поняв, что это доктор Сун спас их гээр, Е Чжэнкунь хриплым голосом поблагодарил его.

Сун Чжэньцзинь покачал головой, ничего не ответив.

На обратном пути им встретились односельчане. Старик Тань с улыбкой сказал:

— Чжэньцзинь с фуланом, оказывается, пошли встречать тестя.

Е Чжэнкунь, услышав это незнакомое обращение, только сейчас осознал, что у него внезапно появился зять.

Он посмотрел на гээр, потом на лекаря.

Они, безусловно, подходили друг другу, но эта семья Сун... и его отец... У Е Чжэнькуня всё

смешалось в голове.

«Как же так...»

«Что же наделали мои родители?!»

«Мой хороший гээр, так поспешно продан... продан семье Сун!»

Е Ишу утешал мать и не заметил, как его отец, высокий и сильный мужчина, тайком вытирает слёзы. Заметив прохожих, он поспешно опустил голову, чтобы никто не увидел его слёз.

Войдя в дом семьи Сун, они закрыли дверь.

Супруги, увидев красные ткани, красные фонари и столы, накрытые для пира, окончательно потеряли самообладание...

— Гээр! Это мама виновата!

— Это мама бесполезна, позволила этим нелюдям, твоим деду с бабкой, тебя... тебя...

Слово «продали» так и не сорвалось с её губ.

Деньги за гээр уже забрал Юй Лаосань.

Е Чжэнкунь, подавленный, сидел в стороне, стиснув зубы.

Е Ишу утешал то одного, то другого. Взглянув на стоявшего рядом Сун Чжэньцзиня, чьё лицо всё ещё было красным от невыветрившегося вина, он почувствовал, как у него самого начинает раскалываться голова.

— Дядя, тётя, болезнь гээр ещё не прошла, — сказал Сун Чжэньцзинь, и в комнате постепенно стало тише.

Е Ишу с благодарностью посмотрел на покрасневшего доктора Суна и с огромным облегчением вздохнул.